

ГЕОРГИЙ КАРЕЛИН

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА 20-х ГОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Несколько выходных дней, официально связанных поводом государственного праздника Дня народного единства, позволили поразмышлять над терминами “народ”, “единство народа”. Однозначных их определений нет. А праздник есть. Поэтому появилось желание осмыслить проблему через призму понятий “историческое сознание”, “историческая память”, “социальная память”.

Что нас вообще заставляет осознавать прошлое, искать сегодня ответы на вопросы: что случилось с российским народом почти столетие назад, почему нас захватывает проблема собственного прошлого? Вероятно, речь может идти об изменении исторического сознания или исторического понимания, благодаря которому нам становится известно о существовании прошлого, частью которого мы себя осознаем сегодня. Благодаря историческому сознанию прошлое становится реальностью, в определенной степени осознается частью нас самих.

В моих размышлениях по обозначенному поводу помогли две новые книги, посвященные эпохе глубокого социального катаклизма: 1) Гражданская война в России: энциклопедия катастрофы. М.: Сибирский цирюльник. 2010. – 400 с.; 2) Алешкин П. Ф. Васильев Ю. А. Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.). М.: Голос-Пресс, 2010. – 576 с. Основной субъект событий исторической катастрофы (а как иначе называть Гражданскую войну или ее часть – крестьянскую войну?) – народ, российский народ, основную часть которого в то время составляло крестьянство (80% всего населения страны).

Составитель и ответственный редактор Энциклопедии Гражданской войны Дмитрий Володихин в предисловии подчеркнул: особое внимание редакции проекта привлекла тема крестьянских восстаний в начале 1920-х годов, по его выражению, “войны после войны”. Авторы статей в энциклопедии Петр Алешкин и Юрий Васильев в своей монографии предложили определение “крестьянская война”. Гражданская война между “красными” и “белыми”, порожденная революцией 1917 г., заслонила собой не менее ожесточенный “внутренний фронт” Гражданской войны – крестьянскую войну 1918–1922 гг. против политики “военного коммунизма”.

Именно политика военного коммунизма породила крупномасштабную войну и воспроизводила протестные явления на всей территории страны. В период создания мифологем лингвистическое окончание *-щина* в новых неологизмах было призвано сформировать отрицательную оценку протестных явлений в общественном мнении: так появились “антоновщина”, “махновщина”,

“мироновщина”, “сапожковщина” и др. Однако сегодня вполне уместно употребление приведенных терминов в качестве знаковых феноменов, обозначающих реальные социальные явления.

Вхождение в новый мир в России после 1917 года означало отказ от прежнего мира. Забвение явилось условием обретения новой идентичности. Подобные исторические преобразования всегда сопровождаются в народе ощущениями тяжелой и невосполнимой потери, упадка культуры и безнадежной дезориентации. В этом смысле такие исторические испытания являются, безусловно, травматическими. Но в таких ситуациях последствия травматического опыта часто оказываются гораздо более драматичными: например, в новой реальности Гражданской войны в России люди теряли себя, безвозвратно утрачивалась прежняя идентичность, и на смену ей приходила новая – историческая и культурная.

Травму подобного рода социальная группа (общество, народ) будет всегда носить с собой. Новая идентичность во многом конституируется травмой от потери прежней идентичности – и именно в этом во многом заключается ее содержание. Наступает осознание, что утраченное невозможно вернуть. Коллективная идентичность современного российского общества представляет собой совокупность шрамов в российской душе. Их никогда нельзя будет изгладить полностью, они вызывают в народе длительную и нескончаемую боль. Благодаря этой боли российская цивилизация постоянно помнит об “утраченных мирах”, от которых она была вынуждена отказаться и которые никогда уже не вернуться к ней.